

ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ У. ОККАМА

В. В. Жулев

Российский государственный гуманитарный университет

Поступила в реакцию 5 июля 2023 г.

Аннотация: в статье выдвигается предположение, что критика папской доктрины «plenitudo potestatis» и проблема разграничения духовной и светской власти потребовали от Оккама выстроить аргументацию, в которой светская власть потеряла свою сакральность. В ходе анализа ряда положений «Dialogus» было выявлено следующее. Во-первых, Оккам выводит светскую юрисдикцию из церкви и утверждает ее независимость от власти папы. Во-вторых, обряд коронации и помазания теряет свою легитимирующую функцию. В-третьих, из концепции происхождения власти, представленной «Breviloquium», следует, что религиозная принадлежность императора не играет никакой роли для получения власти. В-четвертых, цель светской власти для Оккама не связана с категорией спасения, а существует «pro utilitate communi». В-пятых, Оккам отказывается рассматривать империю в эсхатологическом ключе и наделять ее сакральным смыслом, поскольку цель ее создания была утилитарной, а не религиозной.

Ключевые слова: секуляризация, власть, светская юрисдикция, политическая философия, абсолютизм.

Abstract: the article's goal is to test the assumption that criticism of the papal doctrine «plenitudo potestatis» and the problem of delimitation of spiritual and secular power led to the desacralization of imperial power. During the analysis of a number of provisions of «Dialogus», the following was revealed. First, Ockham removes secular jurisdiction from the church and asserts its independence from the authority of the pope. Secondly, the rite of coronation and anointing loses its legitimizing function. Thirdly, from the «Breviloquium» concept of the origin of power, it follows that the religious affiliation of the emperor plays no role in obtaining power. Fourthly, the goal of secular power for Occam is not connected with the category of salvation, but it exists «pro utilitate communi». Fifthly, Ockham refuses to consider the empire in an eschatological way and endow it with a sacred meaning, since the purpose of its creation was utilitarian, not religious.

Key words: secularization, power, secular jurisdiction, political philosophy, absolutism.

Первая четверть XIV в. ознаменовалась последним крупным столкновением между императором Священной Римской империи Людовиком IV Баварским и Иоанном XXII. Избранный император заявил свои права на Италию после того, как разбил короля Богемии Фридриха Красивого. Однако Иоанн считал себя наместником Римского короля в Италии, поскольку Людовик не получил его одобрения. Таким образом, результаты голосования курфюрстов не имели никакой силы, а империя так и не получила своего императора. Ситуация обострилась, когда папа назначил викарием империи в Италии сына Роберта Анжуйского. В 1323 г. папа отлучает императора, тем не менее это не привело Людовика к смирению. В ответ на призывы гибеллинов Людовик Баварский в январе 1327 г. начинает итальянский поход, в результате которого он коронуется сначала в Милане, а затем, в 1328 г. в Риме. Иоанн XXII не признал обе коронации, указывая на то, что Людовик получил императорскую корону от римского народа [1, p. 331],

тем самым Иоанн хотел указать на нелегитимность состоявшейся коронации, поскольку она шла вразрез со всеми установленными правилами. Папская интерпретация этого события была опровергнута Ф. Годхардом, который показал, что состоявшаяся коронация отличалась не особой ролью народа, а наличием четырех персон, которые символизировали светских курфюрстов, в то время как три епископа – духовных (епископы-выборщики Кельна, Майнца и Трира), таким образом, акцент перемещался на избрание, тем самым нивелировалась функция папы [2, p. 254–284].

В это же время Иоанн XXII занимается строительством папского дворца в Авиньоне, что вызывает резкую критику спиритуалов, в ответ римский понтифик возобновил преследования сторонников идеала бедности. Начиная с 1321 г. в Авиньоне ведутся споры об имуществе Христа и его учеников, а в 1322 г. Иоанн XXII издает буллу «Ad conditorem canonum», в которой отрицал возможность отделения собственности от пользования, тем самым отвергая доктрину спиритуалов-францисканцев. Тем

не менее те упорствовали, ссылаясь на решение Николая III, согласно которому собственность францисканцев принадлежит не им, а церкви и папе [3, с. 175]. Осужденные папой францисканцы, в том числе и Убертино да Казале, направились ко двору императора. Весь этот процесс стал судьбоносным для Уильяма Оккама (1280–1347), который, будучи крупнейшим философом и теологом своего времени, отличался аполитичностью. Исследователи подчеркивают, что политическим теоретиком его сделал именно конфликт спиритуалов с Иоанном XXII [4, р. 277]. В 1330 г. он оказывается в Мюнхене при императорском дворе и, начиная с этого времени вплоть до своей смерти, создает значительное количество политических трактатов: «Octo quaestiones de potestate papae», «An princeps pro suo succursu, scilicet guerraе, possit recipere bona ecclesiarum, etiam invito papa», «Breviloquium de principatu tyrannico», «De imperatorum et pontificum potestate», «Compendium errorum Johannis XXII», «Allegationes de potestate imperiali» и т. д.

Наследие Оккама всегда вызывало много споров среди историков средневековой мысли. Многие исследователи отрицают, что *Venerabilis Inceptor* был политическим мыслителем, а его сочинения содержат цельную систему [5, р. 118–119; 6, р. 76]. Разногласия вызывает и вопрос о секулярных тенденциях в трудах Оккама. Если Г. Лагард утверждал, что Оккам и Марсилиус заложили основу современного светского государства [7, р. 454], то Дж. Моралл попытался опровергнуть подобную интерпретацию политической мысли английского францисканца, указывая на ее консервативный характер [8, р. 368–369]. А. МакГрейд в своей монографии, посвященной исследованию политической философии Оккама, соглашается с некоторыми выводами своего французского коллеги, однако делает это не без оговорок [9, р. 88]. Из современных исследователей Дж. Колман и Дж. Милбанк отмечают вклад Оккама в развитие секулярной политической теории [10, р. 169; 11, с. 44]. Различие точек зрения можно объяснить тем, что в ряде своих сочинений Оккам сознательно встает на нейтральную позицию и пытается беспристрастно рассматривать аргументы своих противников и союзников, что порождает трудности в поиске его собственной позиции.

В качестве материалов исследования будут использованы «*Dialogus*» и «*Breviloquium*». Первый трактат, состоящий из трех частей, и датированный 1332–1340 гг., занимает особое место – эта работа так и не была завершена, а по своему объему и форме изложения материала она может называться суммой политики. Следует указать, что работу над «*Dialogus*» Оккам воспринимал как очень личное

дело и старался не афишировать свое авторство [12, р. XII]. Таким образом, этот трактат не был посвящен конкретным событиям и не учитывал мнения императора – в нем мы можем найти политическую философию Оккама, лишенную влияния политической конъюнктуры. Название второго трактата «*Breviloquium*» может ввести читателя в заблуждение, поскольку этот труд не отличается краткостью и, как «*Dialogus*», остался незавершенным. Множество исследователей осторожны в своих попытках установить точную дату «*Breviloquium*», можно сказать лишь то, что он был написан во временном промежутке 1338–1342 гг. [13, р. 90]. В этом сочинении Оккам отходит от принципа нейтральности и попытки беспристрастно рассматривать различные позиции, поэтому «*Breviloquium*» представляет особую ценность для исследователей.

I

Критика папской концепции «*plenitudo potestatis*» является одной из ключевых тем, вокруг которой выстраивается политическая философия *Venerabilis Inceptor*. В первом трактате 3-й части «*Dialogus*» Оккам оспаривает папскую претензию на абсолютную власть, указывая на то, что установленный Христом закон является «*lex libertatis*», по сравнению с которым закон Моисея «*lex servitutis*», поэтому, если «*plenitudo potestatis*» было даровано Христом римскому папе, то новый закон установил бы невыносимое рабство, превосходящее старый закон, что невозможно [14, р. 130]. В третьем вопросе «*Octo quaestiones de potestate papae*» Оккам также опровергал «*plenitudo potestatis*», но с опорой на «*Политику*» Аристотеля. Он соглашается со сторонниками курии, что если правление папы римского должно быть наилучшим, тогда оно направлено на общее благо поданных. Абсолютная власть римского понтифика может иметь такую цель, но она противоречит аристотелевскому принципу, согласно которому правление над свободными лучше, чем над рабами. Поскольку «*plenitudo potestatis*» ведет к рабству поданных, следовательно, оно не может быть наилучшим правлением [15, р. 350–351]. Тем не менее подобные аргументы опровергают лишь папский абсолютизм, но не курьяльную теорию о снисхождении от Бога светской власти императоров через римских пап.

Вопросу о происхождении и характере светской власти императора Оккам посвящает 2-й трактат 3-й части «*Dialogus*», в котором последовательно разбирает аргументы сторонников папского абсолютизма. Так, папа Николай утверждал, что права на земную и небесную империи были дарованы Богом Петру. Оккам усматривает в папском тезисе две нелепости: первая заключается в том, что утверждение Николая

не находит подтверждения в Священном Писании, вторая – если согласиться с утверждением, что земная империя исходит от папы, то, следовательно, и небесная империя имеет тот же источник, что абсурдно [12, р. 76, 78].

Venerabilis Inceptor, обращаясь к тексту «Tibi domino», отрицает зависимость императора от папы, основанную на феодальном отношении между сеньором и вассалом. С одной стороны, клятва, которую приносил Оттон I, не являлась вассальной, т. е. не подразумевала подчинения и верности за полученный лен, с другой – император не может быть принужден приносить эту клятву [12, р. 85–89]. Таким образом, Оккам отвергает зависимость императорской власти от папы и трактовку передачи империи в качестве лена.

Тезис, что папа имеет «gladium materiale et spiritulem», Оккам опровергает следующим образом. Во-первых, если бы не существовало власти вне церкви, то не было бы ни одного языческого правителя, что невозможно; во-вторых, многие короли не получают свою власть от папы, следовательно, император не зависит от папы; в-третьих, получение короны от епископов и архиепископов не означает передачи власти, поскольку короли получают ее до коронации [12, р. 91–92].

Другой важный аргумент сторонников папы основывается на цитате из Евангелие от Матфея, в которой Христос говорит своим ученикам: «...что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Мф 18:18). Следовательно, Петр и его преемники получили власть всё связывать и разрешать (*ligandi omnia et solvendi*), следовательно, папа римский получил власть делать всё, что угодно, в том числе передавать империю и власть императору [12, р. 92–93]. В этом случае аргументы Оккама подчинены простому принципу: он перечисляет те случаи, в которых власть папы перестает работать, тем самым указывая на факт ограничения папской юрисдикции.

В качестве одного из опровержений папской теории Оккам использует историю отречения короля Хильдерика: «Папа Римский Захарий, низвергая короля франков, «занес свой серп на жатву другого» (Втор. 23.25), узурпировал власть, которая не входила в компетенцию его должности, что часто совершают другие высшие понтифики в ущерб мирянам» [12, р. 73]. Окончательная трактовка, однако, такова, что в действительности Захарий поставил нового короля франков, поскольку франки передали ему власть, и аналогичное рассуждение касается передачи империи папой римским германцам [12, р. 81–82]. В «Octo quaestiones de potestate papae» Оккам придерживался немного иного мнения, утверждая, что франки обратились к Захарии, который посоветовал

им не бояться использовать свою власть ради общего блага [14, р. 341]. Отметим, что эта интерпретация во многом сходна с тем, что можно видеть в трактате Марсилиа Падуанского [16]: роль папы второстепенна, поскольку свержение Хильдерика и назначение Пипина произошли исключительно по воле франков.

Еще одно возражение строится следующим образом: римский понтифик не имеет права низлагать императора, поскольку данная процедура возможна либо согласно божественному закону, либо согласно человеческому, однако ни Бог, ни люди не даровали ему такой власти [12, р. 74]. Коронацию и помазание Оккам также отвергает в качестве источников власти императора, поскольку этот же обряд совершают епископы над королями, тем не менее, никто не утверждает, что короли получают в этот момент свою власть [ibid., р. 85]. К тому же уже во второй книге Оккам посвятит 29-ю главу доказательству того, что император получает всю власть сразу же после избрания, таким образом, признание папы, выражающееся в обрядах, не имеет значения. Не принимает Оккам и метафору двух светил Иннокентия III, утверждая, что Луна, как и Солнце, создана Богом и имеет собственную силу, и, несомненно, Солнце благороднее Луны, как церковь благороднее империи, – это единственное сходство, которое можно провести между этими феноменами [ibid., р. 101–102].

Из рассуждений Оккама следует, что папа римский не может ни делегировать светскую власть императору, ни лишать ее. Однако означает ли опровержение папской теории передачи светского меча лишь отказ от функции папы как связующего элемента между Богом и светским правителем? Если учитывать, что Оккам отстаивал дуальную картину, близкую Геласию I, было бы разумно предположить, что знаменитый францисканец воспользуется старой дорогой таких мыслителей, как Готтшалк из Ахена, Петр Красса, Видо из Оснабрюка, Сигеберт из Жамблу и др., которые доказывали божественное происхождение независимой светской власти императора. Тем не менее 2-й трактат 3-й части «Dialogus» и «Breviloquium» ясно показывают, что Оккам движется по *via nova*.

II

Проблема светской власти в «Dialogus» тесно связана с вопросом создания Римской империи, поскольку тот, кто создает империю, наделяет императора властью. Выше мы показали, что для Оккама империя, как и светская власть, не может происходить от папы римского. В качестве претендентов остаются люди и Бог.

Кажется, что на это способен лишь Бог, однако Оккам говорит через фигуру учителя: «Это отверга-

ется, поскольку мы не читаем, что Бог сам поставил императора, а не через кого-то другого, следовательно, этим мнением можно с легкостью пренебречь...», – а затем дополняет: «Ответ состоит в том, что допускается, что имперская власть и всякая законная и легитимная власть исходят от Бога, однако не от одного лишь Бога. Но некоторая [власть] от Бога через людей, и императорская власть, относящиеся к такому роду, от Бога, но через людей» [ibid., p. 114]. Таким образом, ни один император не был поставлен Богом, но его власть от Бога через людей. В 27-й главе «Dialogus» Оккам скажет, что император имеет свою власть от людей, следовательно, именно люди создают империю [ibid., p. 114–115]. Тем не менее заключительный ответ более консервативен: Бог создает империю через людей. Тезис Оккама вызывает сложности, поскольку, отстаивая это положение, он показывает, что именно народ являлся создателем империи. Чем вызвана эта приставка «a deo» и почему всемогущий Бог не может основать империю, ведь это утверждение не требовало бы множить сущности без необходимости? На наш взгляд, ответ следует искать в теории происхождения собственности и власти, изложенной в «Breviloquium».

В распоряжении *Venerabilis Inceptor* имелось две возможные стратегии решения названной выше проблемы. Первая, августиновская, видела источник происхождения власти и собственности в грехопадении. При этом авторы, придерживающиеся этого подхода, разделились в оценках института власти. Так, одни утверждали, что правление может заслужить оправдание только через безусловное подчинение Богу и церкви, вторые видели во власти акт божественной заботы [17, p. 243].

Вторая стратегия, которая появилась после перевода «Политики» Аристотеля, выводила власть из человеческой природы. Почти все авторы после 1260 г. шли аристотелевским путем, и наиболее последовательным среди них был современник Оккама Марсилиус Падуанский. Однако сам Оккам, обильно цитировавший аристотелевскую «Политику» и читавший комментарии к ней, выбрал августиновский путь.

В 7-й главе «Breviloquium» Оккам пишет: «...власть, которая является общей для всего человеческого рода, – это то, что Бог дал Адаму и его жене для них и всех их потомков: право упорядочивать и использовать мирские вещи для своей пользы. В состоянии невинности эта власть не имела способности присваивать какую-либо временную вещь лицом или специальной коллегией, или определенным лицам, но после грехопадения она ее получила» [13, p. 178]. Из этого следует определение собственности – это право распоряжаться временными веща-

ми, которые принадлежат либо одному лицу или лицам, либо объединению [ibid.]. Таким образом, до грехопадения человек мог лишь пользоваться вещами, без права присваивать что-либо, после же человек приобрел от Бога право распоряжаться и присваивать. Вместе с этим Бог даровал человеческому роду право назначать правителей со светской юрисдикцией, поскольку это необходимо и полезно для благой и политической жизни [12, p. 178]. Мы видим, что собственность и власть у Оккама принадлежат к области *ius divinum*, и потому их можно понимать как естественные права людей, стоящие выше человеческих законов и канонического права, а следовательно, светская власть находится вне церкви. Вместе с этим в рассуждениях об учреждении правящей власти Оккам отклоняется от традиционной позиции, согласно которой власть является прямым следствием греха, т. е. греховна, утверждая, что власть, как и собственность, устанавливается Богом после грехопадения для пользы человечества. При этом в «Breviloquium» подчеркивается, что право устанавливать власть и иметь собственность было даровано не только христианам [13, p. 180–181].

Почему же Оккам выбирает консервативный путь? Он полемизирует здесь с теологами, которые вслед за Эгидием Римским, утверждали, что всякая власть и право собственности исходит от папы и что, соответственно, они не могут осуществляться вне церкви [18, p. 172]. С другой стороны, Оккам не мог следовать «Политике» Аристотеля, поскольку его главный противник Иоанн XXII придерживался томистских и аристотелевских взглядов на общество и собственность, что привело его к конфликту с францисканцами [8, p. 341]. Поэтому традиционный способ рассуждения, с одной стороны, давал Оккаму аргументы против сторонников курии, а с другой – позволял не ступать на поле своего идеологического противника. Также исследователи показали, что Оккам находился под сильным влиянием «Improbatio» Франциска Маркийского, с которым бежал из Авиньона [19, p. 189].

Таким образом, люди создали Римскую империю и учредили власть императора, поскольку это право они получили «a deo», поэтому выражение «a deo sed per homines» подразумевает, что над народом и императором помимо Бога нет никого, т. е. они независимы от церковной юрисдикции. Тем не менее имеет ли созданная империя, а вместе с ней и императорская власть, сакральный характер? Как заметила С. М. Раскина, в «Dialogus» никогда не употребляется термин «*sacrum imperium*» [20, с. 33]. К тому же Оккам видел в существующей Германской империи XIV в. продолжение языческой [там же, с. 31–33].

В трудах Оккама Римская империя не наделяется особым статусом, который она получает в «Монархии» Данте [21, с. 94]. В «Dialogus» упоминает факт римских завоеваний и изменений политической системы Римской республики, которая трансформировалась в империю. Однако подчинение других народов встречает возражения ученика – если римляне и могли что-то получить посредством военной мощи, так это не «истинную империю», а лишь установление тирании. Ответ Оккама можно считать одной из первых попыток обоснования завоеваний исключительно светским путем, без апелляций к божественному проведению. Римляне установили империю путем завоеваний ради общего блага, поскольку понимали необходимость правления одного императора над всеми [12, р. 116]. Также он добавляет, что вначале римляне несправедливо подчинили народы, но затем последовало признание римского господства, тем самым «Римская империя стала истиной, справедливой и законной» [ibid.]. На сказанное ученик возражает, что если римляне в своих действиях руководствовались греховным желанием господства (*libidinem dominandi*), то их империю нельзя назвать истинной [ibid., р. 118]. Ответ Оккама прост: установление господства является фактом, не зависящим от намерений, если некто приобретает предмет со злым умыслом, то это не отменяет его владения этим предметом [ibid.]. Таким образом, завоевания, совершаемые согласно воле римского народа, и установление господства Рима защищены не только апелляцией к общему благу или признанием подчиненных, но и указанием на то, что факт не отменяется моральным осуждением.

Другим важным моментом является то, что Оккам рассматривает языческих римских императоров как подлинных. Например, об осуждаемом христианами Юлиане Отступнике Оккам говорит: «Итак, Амвросий подтверждает, что Император Юлиан, хотя был отступником, имел воинов христиан, к которым обращался: продвигайтесь вперед на поле боя ради защиты республики, – и они следовали. И Августин подтверждает: Юлиан был неверным императором. Разве не он был отступником и идолопоклонником? Когда случилось, что дело касалось Христа, то они [воины-христиане] не признавали никого, кроме того, кто был на небесах. Когда он хотел, чтобы они почитали идолов и курили благовония, они же возвеличивали Бога. Когда же он сказал: “Продвигайтесь вперед на поле боя против этого народа”, – то они немедленно повиновались и отличали вечного господина от господина временного. Юлиан, хотя и был отступником, также был настоящим господином и императором» [ibid., р. 110]. Для Оккама язычество Юлиана, его гонения на христианскую церковь не

составляют оснований для отрицания его титула и власти. Ученик продолжает настаивать, что еретик не может называться императором. На это Оккам возражает – еретикам было запрещено обладать собственностью и светским достоинством согласно человеческому праву, до этого запрета язычники и еретики были императорами [ibid., р. 111].

Из аргументов 2-го трактата 3-й части «Dialogus» Оккама также следует, что языческая Римская империя с присущими ей политическими феноменами не нуждалась в легитимации со стороны Христа и его учеников. Ее наличие было фактом, но важно здесь другое – момент ее признания Христом и апостолами: Христос признает, что власть римского чиновника Пилата законна [ibid., р. 108], при этом очевидно, что она была получена светским путем, так и апостол Павел не отрицал своего римского гражданства, которое он получил от римского народа [ibid., р. 109], как и не отказывал он Цезарю в судебной власти [ibid.].

Конфликт францисканцев и Людовика Баварского с Иоанном XXII продемонстрировал опасность абсолютной власти папского престола. После бегства из Авиньона вся интеллектуальная жизнь *Venerabilis Inceptor* была посвящена опровержению претензий папства. В 1-м трактате 3-й части «Dialogus» и 3-м вопросе «*Octo quaestiones de potestate papae*» Оккам показал, что «*plenitudo potestatis*» противоречит христианскому закону «*lex libertatis*» и важнейшему аристотелевскому принципу – «правление над свободными, лучше, чем над рабами». В результате анализа 2-го трактата 3-й части «Dialogus» и «*Breviloquium*» было установлено, что последовательное отстаивание принципа независимости Римской империи и власти императора от папы приводит к опровержению теории снисхождения светской власти от Бога через римского понтифика. Однако рассуждения Оккама не готовят почву для утверждения теории, которую ясно выразил Людовик IV Баварский еще во время итальянского похода в одном из своих писем: «Через кого короли правят и князья господствуют и в чьих руках наше сердце – это господь наш Иисус Христос» [1, р. 174], – а затем в «*Licet iuris*» (1338 г.): «императорское достоинство и власть происходят непосредственно и только от Бога» [22, р. 100–101]. Взгляд покровителя францисканца содержит в себе ту же опасность, что и папская «*plenitudo potestatis*», поскольку утверждение божественного происхождения светской власти императора позволяет вывести ее абсолютный характер, что будет нарушать «*lex libertatis*», в связи с которым Оккам настаивал, что человек свободен в своем нравственном самоопределении, и в этом плане любое навязывание образа жизни со

стороны светской власти окажется произволом [23, р. 401, 415]. Поэтому Оккам выбирает оптимальный путь, постулируя, что после грехопадения люди получили от Бога «duplex potestas» – иметь собственность и устанавливать светскую юрисдикцию для собственной пользы. Последний момент примечательный, поскольку ранее был распространен иной взгляд: цель светской власти – страхом удерживать вверенных королю людей от зла [24, р. 89, 91], т. е. король принуждал силой меча к тому, что утверждал епископ. Мы можем заключить, что в аргументации Оккама власть императоров лишается своего религиозного компонента, поскольку: во-первых, светская юрисдикция находится вне церкви и не зависит от власти папы; во-вторых, теряют свое значение обряды коронации и помазания, которые теперь несут в себе лишь церемониальную функцию; в-третьих, становится не важной религиозная принадлежность императора; в-четвертых, цель светской власти не рассматривается в категориях спасения, а существует «pro utilitate communi», вместе с этим Оккам отказывается рассматривать империю в эсхатологическом ключе и наделять ее сакральным смыслом, поскольку цель ее создания была утилитарной, а не религиозной; в-пятых, языческая Римская империя, как и власть Августа, признавалась Христом и апостолами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Monumenta Germaniae Historica. Constitutiones et acta publica imperatorum et regum / ed. J. Schwalm. – Hannoverae : Impensis Bibliopolii Hahniani, 1914–1927. – Tomus VI. Pars I. – 804 S.
2. Godthardt F. Marsilius von Padua und der Romzug Ludwigs des Bayern Politische Theorie und politisches Handeln / F. Godthardt // Nova Mediaevalia Quellen und Studien zum europäischen Mittelalter Band 6 Herausgegeben von Nikolaus Henkel und Jürgen Sarnowsky. – Göttingen : V&R unipress GmbH, 2017. – 533 S.
3. Агамбен Дж. Высочайшая бедность. Монашеские правила и форма жизни / Дж. Агамбен ; пер. с ит. и лат. С. Ермакова ; под науч. ред. Д. Раскова, А. Погребняка. – М. ; СПб. : Изд-во Ин-та Гайдара : Ф-т свободных искусств и наук СПбГУ, 2020. – 216 с.
4. Henning O. Geschichte des politischen Denkens Band 2. Römer und Mittelalter. Teilband 2: Das Mittelalter / O. Henning. Stuttgart, Weimar : J. B. Metzler, 2004. – 339 S.
5. Canning J. Ideas of Power in the Late Middle Ages, 1296–1417 / J. Canning – Cambridge : Cambridge University Press, 2013. – 219 p.
6. Black A. Political thought in Europe, 1250–1450 / A. Black. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – 211 p.
7. Lagarde G. de. Marsile de Padoue et Guillaume d'Ockham / G. de Lagarde // Revue des Sciences Religieuses. – Strasbourg : Bureaux de la Revue Place de l'Université, 1937. – Т. 17 (2). – P. 168–185.
8. Morrall J. B. Some Note's on a Recent Interpretation of William of Ockham's Political Philosophy / J. B. Morrall // Franciscan Studies. – N. Y. : St. Bonaventure University, 1949. – Vol. 9, № 4. – P. 335–369.
9. McGrade A. S. The Political Thought of William Ockham / A. S. McGrade. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 269 p.
10. Coleman J. A History of Political Thought from the Middle Ages to the Renaissance / J. Coleman. – Oxford : Blackwell Publishers, 2000. – 320 p.
11. Милбанк Дж. Политическая теология и новая наука политики / Дж. Милбанк // Логос. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2008. – № 4 (67). – С. 33–54.
12. Ockham W. Dialogus. Part 3, Tract 2. / W. Ockham // Auctores Britannici Medii Aevi 33 / ed. Semih Heinen and Karl Ubl. – Oxford : Oxford University Press, 2019. – 486 p.
13. Ockham W. Opera politica IV / W. Ockham // Auctores Britannici Medii Aevi XIV / ed. H. S. Offler. – Oxford : Oxford University Press, 1997. – 486 p.
14. Ockham W. Dialogus, Part 2, Part 3, Tract 1 / W. Ockham // Auctores Britannici Medii Aevi 20 / ed. J. Kilcullen, J. Scott, J. Ballweg, and V. Leppin. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – 371 p.
15. Ockham W. Octo quaestiones de potestate papae / W. Ockham // Monarchiae S. Romani Imperii. T. 2. – Francofurti : Apud Joann-Davidem Zunnerum, 1668. – P. 313–395.
16. Марсилиус Падуанский. Перенос империи / Марсилиус Падуанский ; пер. и прим. О. Воскобойникова // Анатомия власти : государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время / А. С. Ануфриева, М. В. Бибикина, Д. Ю. Бовыкин [и др.] ; сост. и отв. ред. О. С. Воскобойников, О. И. Тогоева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2021. – С. 423–442.
17. Stürner W. Die Begründung der Iurisdictio temporalis bei Wilhelm von Ockham / W. Stürner // Franciscan Studies. – N. Y. : St. Bonaventure University, 1986. – Vol. 46. – P. 243–251.
18. Tierney B. The Idea of Natural Rights. Studies on Natural Rights, Natural Law, and Church Law 1150–1625 / B. Tierney. – Michigan : Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 1997. – 380 p.
19. Lambertini R. Francis of Marchia and William of Ockham Fragments from a Dialogue / R. Lambertini // Vivarium. – Leiden : Brill, 2006. – Vol. 44, № 1. – P. 184–204.
20. Раскина С. М. Политические теории Уильяма Оккама и Античность / С. М. Раскина // Средние века. – М. : Наука, 1973. – Вып. 36. – С. 28–49.
21. Данте Алигьери. Монархия / Алигьери Данте ; пер. с итал. В. П. Зубова ; коммент. И. Н. Голенищева-Кутузова. – М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 1999. – 192 с.
22. Zeumer K. Ludwigs des Bayern Königswahlgesetz «Licet iuris» vom 6. August 1338. Mit einer Beilage: Das

Renser Weisthum vom 16. Juli 1338 / K. Zeumer // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. Band 30. – Hannover, Leipzig : Hahnsche Buchhandlung, 1905. – S. 85–112.

23. *Eusterschulte A.* Lex libertatis und ius naturale Freiheitsgesetz und Naturrechtslehre bei Wilhelm von Ockham / A. Eusterschulte // *Miscellanea Mediaevalia*

Veröffentlichungen des Thomas-Instituts der Universität zu Köln Herausgegeben von Andreas Speer Band 38. Das Gesetz – The Law – La Loi. Berlin : De Gruyter, 2014. – S. 399–423.

24. *Ullmann W.* Principles of Government and Politics in the Middle Ages / W. Ullmann. – Abingdon, Oxon : Routledge, 2010. – 238 p.

Российский государственный гуманитарный университет

Жулев В. В. аспирант кафедры истории зарубежной философии

E-mail: wladislawking@gmail.com

*Russian State University for the Humanities
Zhulev V. V., Post-graduate Student of the Department
of History of Foreign Philosophy
E-mail: wladislawking@gmail.com*